

Антонина Евстратова

ДОЧКИ – МАТЕРИ

ПЪЕСА

Антонина Евстратова

Дочки-матери. Пьеса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40147994

ISBN 9785449607706

Аннотация

Молодая девушка рождает внебрачную дочь. По воле судьбы попадает в места отдаленные. Возвращается через много лет и превращает жизнь дочери в кошмар.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	11
КАРТИНА ПЕРВАЯ	11
КАРТИНА ВТОРАЯ	17
КАРТИНА ТРЕТЬЯ	28
КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ	39
КАРТИНА ПЯТАЯ	51
КАРТИНА ШЕСТАЯ	60
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	75
КАРТИНА СЕДЬМАЯ	75
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Дочки-матери

Пьеса

Антонина Евстратова

© Антонина Евстратова, 2018

ISBN 978-5-4496-0770-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЕВСТРАТОВА АНТОНИНА

ДОЧКИ – МАТЕРИ

ПЬЕСА

Мелодрама из 6 частей (32 картин).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

1. М а т р е н а, домохозяйка. Выше среднего роста, каштановые густые волосы, собраны в большой пучок. С зелеными глазами, обрамленными густыми ресницами, тонкими чертами лица. По характеру пря-

молинейна, сдержанна, временами жестокая. Любящая мать троих детей. Воспитывает с рождения внучку – ребенка своей дочери Марии.

2. И в а н И в а н о в и ч, муж Матрены. Рост около двух метров с мощной фигурой. Сильный. По характеру спокойный, добродушный. С виду суров и угрюмый. Волосы светло-русые, глаза серые большие, обрамленными густыми ресницами. Прямой нос с легка расширенными ноздрями. Высокий чистый лоб, губы тонкие. Мастер по пошиву обуви.

3. М а р и я, 22 лет, механизатор, дочь Матрены и Ивана Ивановича. Высокая, с безупречной фигурой, светло-русые волосы, серо-зелеными глазами, правильными чертами лица. Влюбчива, вспыльчива, бесстрашная. сильная духом, смелая, решительная, волевая, жестокая.

4. Т о н я, 16 лет, учащаяся. Дочь Марии, внучка Матрены и Ивана Ивановича. Выше среднего роста, светло-русые волосы, серо-зеленые глаза, над ними тонкие дугообразные брови. Правильные черты лица. По характеру спокойная, уравновешенная, эмоциональная, обидчивая, принципиальная, сговорчивая. Любит свою семью.

5. Ю р а, 17 лет. Механизатор. Сын Матрены и Ивана Ивановича. Копия отца. Мощная не по возрасту фигура,

сильный, решительный, волевой, доброжелательный, обожает свою мать и племянницу. Пользуется уважением в семье и в быту.

6. И в а н, 45 лет. Брат Матрены. Заведующий складом. Среднего роста, волосы светлые, тонкие губы, нос прямой с расширенными ноздрями. Глаза светлые. Жестокий в семье, любитель горячительных напитков.

7. Е к а т е р и н а, 40 лет. Домохозяйка. Жена Ивана. Красавица с карими глазами. Добродушная, воспитывает троих детей. Любящая мать и жена.

8. В а н е ч к а, 5 лет, сын Екатерины и Ивана, светло-волосый с карими глазами.

9. Г а л и н а, 17 лет, швея. Дочь Екатерины и Ивана. Кареглазая смуглянка, рассудительная, спокойная, доброжелательная, пользуется успехом в быту и на работе.

10. М и х а и л, 35 лет, полевод. Высокий подтянутый, черные глаза, нос чуть с горбинкой. На верхнем ряду зубов золотые коронки. Любит одеваться в военную форму без пагон.

11. Н ю р а, 25 лет. Механизатор. Подруга Марии. Смуг-

лянка с черными глазами, тонкими чертами лица. Замечательный друг.

12. М а р х у т к а, 25 лет. Механизатор. Подруга Марии. Брюнетка, с толстой косой, карими глазами, пухлыми губами. Спокойная, веселая.

13. Н а с т я, 26 лет, механизатор. Подруга Марии. Высокая, светло-волосая. Серые глаза, тонкий прямой нос, толстые свекольного цвета губы. Добродушная и веселая.

14. Ш у р к а – прозвище «Мосол», 27 лет. Механизатор. Подруга Марии. Рост около двух метров и худого телосложения. Черные волосы, черные глаза. Хитрая, завистливая, неуравновешенная.

15. П о л ь к а, 35 лет. самогонщица, сестра Шурки-мосол. Выше среднего роста. Черные тонкие волосы заплетены в две косички и уложены ореолом на ее голове.

16. В о р, 30 лет, механизатор. Брат Польки и Шурки-мосол. С мощной фигурой, рост около двух метров..

17. П р е д с е д а т е л ь, 45 лет. Смуглый, черные глаза.

18. Б р и г а д и р, 40 лет. Среднего роста. Толстые черты

лица. Темные волосы. В коллективе пользуется уважением.

19. **Г о р б у н**, 25 лет. Доносчик. Брат Насти. Уродливый. Горб спереди и сзади. Глаза серые, разрез подобно глазам варана. Нос тонкий, длинный с красными ноздрами.

20. **Н и н а**, 30 лет. Зав военного стола. Высокого роста, волнистыми волосами каштанового цвета. Серыми большими глазами. Играет на гитаре и поет. Пользуется уважением среди друзей и в быту.

21. **И в а н К о н с т а н т и н о в и ч**, 25 лет, капитан, отец Тони. Высокого роста, серо-зеленые глаза, дугообразные черные брови.

22. **Т е т я Л е н а**, 60 лет, сестра Матрены. Среднего роста, полная, светло-каштановые волосы, серые глаза, тонкие черты лица. По характеру нелюдимая, несговорчивая, недоброжелательная, самолюбивая.

23. **Т о л и к**, 19 лет, механизатор. Односельчанин. Высокий, спортивного телосложения, светлые волосы, серые выпуклые глаза с правильными чертами лица.

24. **Ф е л ь д ш е р**, на вид 35 лет. Среднего роста. С копной рыжих волос. Раскосый разрез желтых глаз.

25. В а с и л и й, 45 лет, среднего роста, пасечник. Смуглый, черные глаза, правильные черты лица. По характеру спокойный, доброжелательный.

26. С е м ё н, 45 лет, друг Василия. По характеру услужливый, добродушный.

27. Б о р о д и н и х а, 60 лет, повитуха, мать горбуна и Насти. Высокого роста средней упитанности. Узкие бесцветные глаза. Толстые черты лица. Громкий мужской голос.

28. П р о к у р о р, примерно 40 лет. Высокий, тучного телосложения.

29. С у д ь я, на вид 45 лет. С правильными чертами лица, Угрюмый.

30. Д е в о ч к а и мальчик до 6 лет. Дети Екатерины и Ивана.

32. Ж е н щ и н а первая, женщина другая (деревенские сплетницы).

33. И з в о з ч и к, 40 лет.

34. Р а я, 17 лет, племянница Матрены.
35. С е м е н, 19 лет, механизатор.
36. Н и к о л а й С е м е н о в и ч, 45 лет, участковый.
37. М и л и ц и о н е р, на вид 35 лет.
38. Ж е н щ и н ы – доярки.
39. Г о л о с Левитана.
40. В а н я, 27 лет. муж Тони.
41. Л е н я, 40 лет, муж Марии.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КАРТИНА ПЕРВАЯ ЧУДО ТАРЕЛКА

Лица: Матрёна, Тоня, двое мужчин, Фекла.

Действие происходит во дворе Матрены. Обстановка, хоз постройке, скирда сена, огород, огороженный плетнем. В огороде баня. За огородом обрыв. Затем в доме Феклы, дом состоит из одной просторной комнаты, обстановка самодельный стол, две скамейки и топчан. В переднем углу русская печь.

Лето. Вечер.

В дворе Матрены.

Матрена идет по своему двору, на её плече литовка. На встречу ей бежит Тоня – ее внучка.

М а т р е н а. Ну, слава Богу, значит дома всё хорошо.

Т о н я. Мама-мамочка! (Обхватывает Матрену ху-
денькими ручками, и прыгает на тонких ножках). Я
Розку пригнала домой!

М а т р е н а (гладит её кучерявую, кипельно-белую
головку). Молодец, Танина, ты так быстро выросла,
уже помогаешь мне по хозяйству, а совсем недавно,
была маленькая, как кукла, а теперь вон какая, уже
за коровой сама ходишь!

От ее похвалы Тоня была самая счастливая, громко
смеётся и прижимается к Матрене.

(С нежностью смотрит на нее). Что ждет тебя в жиз-
ни? Если с самого первого дня появления на свет Бо-
жий, была нежданной и нежеланной! (Тяжело вздыха-
ет, невольно появились слезы, приподнимает девочку
на руки и крепко прижимает к своей груди, дрожащим
голосом еле слышно). Я никому тебя не отдам, нико-
му, никому, я люблю тебя больше своей жизни!

Т о н я (смотрит на плачущую мать, и не понима-
ет, почему она плачет и говорит, что никому ее не от-
даст). Мам, не плачь. (Обнимает за шею, дрожащим
голосом). Почему ты плачешь, мам?

М а т р е н а. Я не плачу. (Обращает свой взор за горизонт). Нам Розку пора доить, пойдем, помощница, хозяйничать будем, видишь, Васька ждет молоко!

Т о н я (бежит к плетню снимает с него алюминиевую пол-литровую кружку, садится на корточки рядышком с Матреной и подставляет ее под соски огромной коровы, смотрит на кота). Сейчас, Вася, мы с тобой поужинаем!

(Молоко через минуту наполнило кружку до краев, а сверху поднялась пушистая пена, затем, не отходя от Матрены, с удовольствием пьёт маленькими глоточками, сопит в кружку, а в горле слышно, как глотает его, на секунду оторвавшись, смотрит на кота). Не бойся, Вася, я обязательно поделюсь с тобой! (Напившись, облизывает губы, а что осталось на доньшке, выливает в баночку коту).

Ее радовало хорошее настроение Матрены, но это было очень редко. Одно смешило её, она часто вспоминала соседку Феклу, как та испугалась радио.

После ВОВ, в деревне во всех избах проводили радио и всем безвозмездно выдали редукторы, это были круглые, большие черные тарелки, которые вешались на вбитый в стену гвоздь.

Все жители ждали включения трансляции, так как никогда не видели и не слышали, чтобы тарелка говорила. Жители не получившие тарелки, пришли к Фекле, чтобы посмотреть на это чудо.

Двор погружается во тьму. Комната Фёклы набирает свет.

В доме Феклы.

Любопытных набралось полная изба. Те, кто моложе, сидели даже на печи, опустив босые ноги, а кому не хватило места стояли в сенцах и на улице.

Никто не верил, что тарелка заговорит, со всех сторон комнаты доносились разговоры, перекрикивали друг друга, переспрашивали. Было очень шумно и похоже на жужжание роя пчел.

М у ж ч и н а первый. Все это брехня! Как это тарелка будет говорить! (Смеется). Ну и придумают же, во брехуны, а ешо городские!

М у ж ч и н а другой. А может не брехня! «Обождем, осталось не долго ждать!».

Фекла, как хозяйка избы, могла позволить себе всё.

Подтянув скамью ближе к стене, где висела тарелка, поставила на нее старую табуретку, взобравшись на нее, она оказалась выше всех собравшихся. Приложила ухо к тарелке, ее худое лицо стало серьезным, а черные глаза, запавшие в орбиты, застыли в ожидании, что заставило всех стариков, женщин и подростков затихнуть и насторожиться.

В избе, как по команде воцарилась мертвая тишина, казалось, все кто в ней находился, перестали дышать.

В это время, в тарелке прорвался властный, могучий твердый баритон диктора Левитана.

Г о л о с Л е в и т а н а. «От советского информбюро».

Ф е к л а (от неожиданности и страха падает на рядом стоявших людей, громко перепуганным голосом). Дьявол, бабы! Дьявооол!!! (С трудом, поднявшись с пола, расталкивает собравшуюся толпу, размахивая руками, пытается выбежать на улицу, теперь уже охрипшим голосом). Пропустите меня, пропуститеее! (Долгое время успокаивали её и приводили в чувства).

М а т р е н а (каждый раз, когда вспоминала про

этот случай с Феклой, смеялась до слез). Ну, и Фекла, черт бы тебя забрал, рассмешила всю деревню!

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС

Лица: Матрена, Мария, Тоня, Нюра, Юра, председатель.

Дом – землянка Матрены состоит из одной комнаты и кухни. В комнате две кровати, машинка швейная «Зингер», сундук, стол, и печка-группка из красного кирпича. В кухне стол два табурета, скамейка, большая русская печь. В сенцах стол и ящик для продуктов. Затем в степи. Обстановка могильник – яма с трупами животных.

Прошло два года, как закончилась Великая Отечественная война, а в деревне продолжалась борьба с голодом, он уносил человеческие жизни каждый день.

Зима. В доме Матрены.

М а т р е н а (стоит у окна, смотрит на заметенный снегом огород, с горечью). Видимо, Господь Бог отвернулся от нас, за то, что Землю-Матушку залили кровью, изранили взрывами снарядов, усыпали тру-

нами людей, да и не только человеческими! От того может, и урожая нет, да и с чего ему быть? Сеем только тыкву и огурцы, вместо клубней картошки кладем очистки, недаром говорят: «Что посеешь, то и пожнешь»!

С весны и почти до первого снега, люди, как животные паслись по холмам, полям и пашням, в надежде набрать колосков пшеницы, ржи или мерзлой картошки. И если кому-то посчастливится набрать узелок колосков, прятали под самые интимные места от посторонних глаз.

Трудно сейчас поверить в то, что за колоски лишали свободы. Доносчиков было много и все друг друга боялись.

В не большой речушке без названия, глубина местами по грудь подростка, ловили мелкую рыбу подолами своих платьев, рубахами и платками. После, жарили на воде и ели целиком с потрохами. Голод неумолимо уносил жизни людей. Ели все, что летало, бегало, ползало. Кошек, собак и даже крыс в деревне не осталось.

М а т р е н а (выбивалась из сил, но собак, кошек и тем более крыс, на столе у себя не могла представить). Лучше умрем, но такого не допущу!

Еще при жизни ее мужа – Ивана Ивановича, задолго до войны зарезали молодого бычка, а шкуру от него оставили для выделки на сапоги. Муж был мастером на все руки, но болезнь его скрутила, а шкура так и осталась нетронутой, высохла в сухарь, и про нее давно забыли.

Тоня с Юрой младшим сыном Матрены хотя и были маленькими, но вели себя по-взрослому, помогали матери перекапывать огород, в надежде что-нибудь найти из овощей и когда это случалось, они с нетерпением ждали, когда мать сготовит и скажет: – дети, идите есть!

Т о н я (играя в прятки, спряталась за дверью, где весела шкура от того бычка, от прикосновения к ней шкура свалилась на неё и придавила, перепугавшись, она истерично закричала). Мама здесь «Бирюк»!

М а т р е н а (не меньше испугалась, когда услышала крик о помощи). Танина, что с тобой, какой бирюк? Не бойся детка! (Обхватила её). Все хорошо, не плач! (Затем увидела за дверью у самой стены, что-то накрыто тряпкой, она вспомнила, это была шкура). Тонечка, какая же ты молодец! Ты нашла то, что уже

не должно быть!

(Сейчас же она отрезала от шкуры кусок, опалила шерсть, два дня вымачивала в воде, а после сварила холодец). Тоня, Юра, идите есть!

Т о н я. Почему ты не ешь, мам? Вкусно, попробуй! (Протягивает ей ложку с серым желе). Чутьочку попробуй!

М а т р е н а (ласково). Я уже поела, а вы ешьте, ешьте! (Она была очень брезгливой и не могла себя пересилить, хотя бы попробовать, от одного вида этой еды, ее выворачивало наизнанку, сама себе). Ноги вытяну из-за своей брезгливости!. Ну не могу я перебороть себя, Господи! (А тем временем от голода, силы покидали её, очаровательные глаза запали, нос заострился).

А в это время в совхозе держали овец, кормов для них, как и людям не было. Несчастливым скормили даже солому, которой была накрыта крыша кошары. Животные погибали не только от голода, но и от морозов. Каждый день, рабочие вывозили трупы особей далеко в поле, сбрасывали в яму и закапывали. Об этом дошли слухи до жителей деревни, они умо-

ляли председателя совхоза, отдавать им замерзших овец, чтобы как-то поддержать семьи, но тот наотрез отказал, и даже пригрозил:

П р е д с е д а т е л ь (категорически). Нет, и нет, узнаю, кто возьмет, пойдет под суд!

Н ю р а. Мария, завтра ночью будут вывозить овец, если хочешь, пойдем со мной! Попробуем раскопать яму и, хотя бы одну овцу на двоих принесем!

М а р и я. Конечно, Нюр, пойдем, только ты не забудь зайти за мной!

Н ю р а. Как можно, подруга? Обязательно зайду, ты жди меня и возьми крепкую веревку, она нам пригодится!

Ночь. Непогода. Мороз, штормовой ветер со снегом.

Но метель не остановила девушек, они надели на себя фуфайки, отцовы штаны, теплые старенькие платки, изношенные до дыр валенки, и брезентовые верхонки.

Дом Матрены погружается во тьму. Степь набирает

свет.

Привязались веревкой друг за друга, чтобы не потеряться, идут шаг вперед, два шага назад.

Н ю р а. Ничего, Мария, пурга нам на руку. (Утешала она подругу). Никто не увидит нас, и «горбун» будет сидеть дома, черти бы его с квасом съели!

М а р и я. Не говори, Нюра, носит же его земля!

(Короткая пауза).

(После паузы).

Сколько нам еще идти, Нюр? Может, мы сбились с дороги?

Н ю р а (начинает злиться на бесконечные её вопросы). Откуда я знаю, мне тоже так кажется, что сбились, но, как сейчас разберешь, ничего не видно! Ну, не возвращаться же назад! По моей памяти, яма должна быть где-то рядом!

Степь погружается во тьму, могильник набирает свет.

Метель, ветер, мороз.

Нюра и Мария натываются на высокий бугор.

Н ю р а (понимает, они на месте, прикрывает рот брезентовой рукавицей от шквального ветра, громко на ухо Марии). Ну, вот, Мария, здесь наш неприкосновенный запас!

М а р и я. Ну, что, Нюр, отдыхать некогда, полезем за мясом!

Н ю р а (обтерла верхонкой обледеневшие ресницы). Начнем, подруга!

М а р и я (глотаю ветер). Ну, с Богом, пусть он нам поможет!

Более двух часов ушло на расчистку ямы, пока наткнулись на тела особей.

Н ю р а (со злостью). Кому было охота закапывать этих тварей так глубоко?

М а р и я. Ну, кто это делал, не знал, что мы за мясом

придем! (Обе смеются). Фу, Нюр, откуда несет зловонью? Ажно голова кружится!

Н ю р а. Это овцы разложились, которых закопали еще летом.

Марию стошнило.

(Обе рассмеялась). Ничего, подруга, от этого не умрешь! А вот с голоду точно ноги вытянешь, так что давай, вытащим свеженьких барашков, а завтра накроем праздничный стол!

М а р и я. Вот, кажется, сегодняшние барашки потрогай, Нюр!

Н ю р а (трогает особей). Да, Мария, еще не совсем окоченели. Забираем и уходим!

Могильник погружается во тьму. Дом Матрены набирает свет.

М а р и я (заходит в кухню, соскребает льдинки с пушистых ресниц, громко матери). Ну, слава Богу, мам, наконец-то, дома!

М а т р ё н а (помогает Марии стянуть одежду). Слава Богу, жива!

М а р и я. Еле дотащила две овцы, такой сильный буран, ничего не видно!

М а т р е н а. Две! Да как же ты их донесла?

М а р и я. Ой, мам, снегу навалило, выбились из сил, думали не дойдем, замерзнем! Я хотела уж бросить одну, но жалко было, столько протащила, да и другого случая, может не быть! Хорошо, что взяли с собой веревки, туши привязали к себе, а иначе не знаю, смогли бы мы, что принести или нет! Ну, слава Богу, теперь детей немного поддержим!

М а т р е н а н а. Полезай, Мань, на печку, погрейся и поспи немного, а то на работу скоро!

М а р и я (как кошка запрыгнула на горячую печку, почувствовав приятное тепло, с восхищением). Какое чудо печка, как уютно на ней! Я вот думаю, мам, настанет ли, когда-нибудь, конец, нашим мучениям?

М а т р е н а. Это, дочь, одному Богу известно! Что поделаешь, такая жизнь у нас, никому мы не нужны! И за что наши мужики воевали и отдали свои жизни?

Они там, на верху от жира бесятся, а народ крыс ест, чтоб их там разорвало! Прости меня, Господи! (Крестится). Да враги у нас в правительстве сидят! Видела я одного, в газете была его фотография, Берия Лаврентий, по его физиономии видно враг он, хоть и пишут о нем хорошо, но я увидела в нем предателя, и сказала своим учителям, что думаю о нем, так они зашикали!

«Тише, никому больше не говорите, а то и вас и нас повяжут!». Ничего, время покажет, кто был прав! А сколько там их таких?

М а р и я. Ничего, мам, на некоторое время у нас есть что поесть!

М а т р е н а. Да, дочь, но с каким трудом и ценой это досталось и что это за еда? Им бы туда на столы нашу еду!

М а р и я. Мам, ты помнишь, как мы жили хорошо до войны?

М а т р е н а. Конечно, дочь, помню, богачами мы не были, но у нас все было, благодаря отцу!

М а р и я. Да, мам, тятя у нас был мастером на все

**руки! А, каким был душевным, добрым и жалостли-
вым отцом! Он всегда меня защищал, когда ты меня
ругала!**

**М а т р е н а (тяжело вздохнула). Если бы, он тебя
меньше защищал, может, у тебя была бы совсем дру-
гая судьба!**

Занавес.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Лица: Мария, Иван, тетя Лена.

Действие происходит в доме Матрены. Обстановка та же, что и во второй картине. Затем в доме тётки Лены. Однокомнатная квартира, меблированная старинным гарнитуром. У входной двери стоит высокий сундук.

Раннее утро.

В доме Матрены.

Мария лежит на печи, перед её глазами всплывает картина до военного времени.

Дом Матрены погружается во тьму. Квартира тети Лены набирает свет.

Осень. Теплый день.

Мария складывает отглаженное белье в комод. Стук в дверь. Она закрывает ящик и бежит к двери. Открывает её.

Появляется Иван Константинович.

М а р и я (увидев в проеме любимого, восхищенно). Ванечка! (И тут же прильнула к нему).

И в а н Константинович (нежно целует её). Вот пришел, как обещал!

М а р и я. Я рада, что ты пришел, Ванечка, проходи! (Услышав приближающиеся шаги, оборачивается).

Появляется тётя Лена.

М а р и я (смущенно). Тетя Лена, это Ваня!

Тетка резко отодвинула ее от себя и обратила свой любопытный взор на офицера, измерив его с ног до головы.

Молодой офицер высокого роста, спортивного телосложения с очень приятной смуглой кожей полуовального лица, темно-серыми глазами, над ними вы-

делялись черные дуги бровей.

И в а н Константинович (сняв с головы военную фуражку, пригладил ладонью аккуратно подстриженные черные волосы, вежливо к тете).

Здравствуйте! (Чуть приоткрыв тонкие, строго очерченные губы, при этом, показав ряд белых ровных зубов, по всей форме представляется). **Я, Васильев Иван Константинович**, прохожу воинскую службу здесь в Славгороде!

Т ё т я Лена (недоверчиво смотрит на него, ехидно). Это мне ни о чем не говорит! (Встаёт перед ним, заговаривает возможность пройти в комнату). С чем пожаловал, капитан?

И в а н Константинович (смело, глядя в холодные глаза). **Я люблю Марию** и прошу вашего согласия на наш брак!

Т е т я Л е н а (подперла руками свои пышные бока). Согласие на брак просишь? А ты знаешь, **Иван Константинович**, она несовершеннолетняя, мала для замужества, придется подождать!

И в а н Константинович. Подождать? Нет, ждать нам нельзя!

Т ё т я Лена. Почему же нельзя, позволь спросить?

И в а н Константинович (берет тётю за локоть, с уважением). Понимаете, меня переводят в другой город, а еще! (Ласково смотрит на Марию, видит испуг в её глазах, она боится, что он скажет о ее беременности, Марии). Не бойся, милая, все будет хорошо! (Притягивает её к себе, берет за руку). У нас с Марией будет ребенок!

Т ё т я Лена (с выкриком). Ах, вот как? Вы уже и ребенка успели сделать? (Торопливо отодвигается от него).

М а р и я (подходит к тете, обнимает ее за плечи, ласково). Тетя Лена, так вышло, ну что теперь делать?

Т ё т я Лена. А что ты собиралась делать, когда ложилась под него? А ты, о чем думал, капитан?

И в а н Константинович. Я люблю Марию!

М а р и я (умоляюще смотрит на тётю). Тетя Леноч-

ка, пожалуйста, разреши нам пожениться!

Т е т я (презренно смотрит на неё). Милочка, как ты посмела приехать к нам? Ты уличная, девка! Что я скажу твоей матери? Она во всем обвинит меня! Ты не знаешь, какого она нрава, честности и чистоты! Не то, что ты, не успело молоко на губах обсохнуть, а ты, уже ножки раздвинула, ты распутная девка!

Никогда еще Мария не чувствовала себя такой ничтожной и униженной, да ещё перед любимым человеком, ей казалось, лучше бы провалиться сквозь землю. По её щекам скатывались слезы.

И в а н Константинович (с пониманием смотрит на нее, привлекает к себе). Не волнуйся, милая! А вас, тетя, прошу не оскорблять Марию, не унижайте её!

Т ё т я Лена. А ты, пакостливый кот, помолчи, по тебе тюрьма плачет! Будешь еще учить меня, как мне с этой дворняжкой обращаться! Пошел вон с глаз моих!

И в а н Константинович (подошел к ней вплотную и, глядя на нее с высоты своих ног, интеллигентно). Прошу, подбирайте выражения, тетя! А ты, Мария, соби-

райся, ко мне в часть поедем, обойдемся без благословения!

Т ё т я Лена (отпор Ивана разозлил её, оттолкнув его в сторону, лицо ее побагровело, а изо рта со слюной вылетели фразы). Ты, капитан, иди к себе в часть, а эта, (Бросает злобный взгляд на Марию). Поедет в свою деревню! Пусть родители решают, что с нею делать? А я не хочу брать на себя такую ответственность! (Ударом своей ноги открывает дверь). Прошу, капитан, на выход! И советую, никогда не беспокоить меня, для твоего же блага!

И в а н Константинович (смотрит на тетю оценивающим взглядом, усмехается краешком губ, поворачивается к Марии). Идем ко мне в часть! (Берет её руку в свою руку).

Т ё т я (громко). Нет! (Резко отталкивает от него Марию). Я в ответе за неё, а ты пошел вон!

И в а н Константинович (понимает, его дальнейшие действия только усугубят жизнь любимой). Мария, я заберу тебя отсюда!

Т ё т я Лена. Пошел вон, заберет он!

И в а н Константинович (через свое плечо). Я люблю её! (Уходит).

Т ё т я Лена. Люби, капитан, тебе никто не запрещает! (Закрывает дверь на ключ).

И в а н Константинович (за дверью, громко). Мария! Никуда не уезжай, я завтра за тобой вернусь! Решу вопрос в части и заберу тебя! Ты меня слышишь, Мария?

М а р и я (прижавшись щекой к двери). Слышу, я подожду тебя, Ваня! (Рыдая, сползает на пол, светло-русые волосы рассыпаются по всей спине, сидит на коленях, плечи ее часто вздрагивают).

Т ё т я (громко). Уйди от двери и замолкни! (Хватает ее за волосы, тащит в сторону). Устроила здесь «дом терпимости»!

М а р и я (не обращает внимания на оскорбления и унижения тетки). Тетя Лена, миленькая, не сердитесь на меня, разрешите нам пожениться, я люблю его!

Т ё т я (зло). Забудь об этом! (Отталкивает Марию от себя). Завтра же поедешь к матери, в свою деревню!

День погружается во тьму. Ночь набирает свет.

Мария лежит на кровати, ждет, когда заснет Тетя.

М а р и я (приподнимается, смотрит на кровать тети, тихо, встает, крадется к двери, пытается открыть дверной замок и убежать). Боженька, помоги мне!

Т ё т я (наблюдает за Марией, как только ключ повернулся в замке, вскакивает с кровати, подбегает к Марии, хватая за волосы). Неужели ты думала, что хитрее меня? (Тащит от двери). Еще раз подойдешь к двери, не посмотрю, что ты дочь моей сестры сдам в полицию!

Остаток ночи Мария проплакала, боялась разлуки с любимым. У нее было предчувствие, что никогда больше не встретится с ним.

Ночь погружается во тьму. Утро набирает свет.

Рано утром.

Тетя Лена сидит за обеденным столом.

Появляется Иван Константинович.

Т е т я (с усмешкой). А, женишок, явился! Опоздал ты, уехала твоя невеста!

И в а н Константинович (растерянно). Как уехала?

Т е т я (ехидно). Как и все уезжают!

И в а н Константинович (криво улыбается). Вы шутите? Не может она уехать!

Т е т я Лена (ледяным голосом). Смогла! Хотя и не хотела.

И в а н Константинович. У нее будет ребенок, тетя!

Т е т я Лена. Какая я тебе тетя? Об этом нужно было раньше думать, молодой человек!

И в а н Константинович. Я прошу вас, дайте мне адрес, куда она уехала, я поеду за ней!

Т ё т я Лена. А вот этого, я сделать не могу!

И в а н Константинович. Ну, почему? Вы представляете, что ее ожидает?

Т ё т я Лена. Представляю, конечно, но ничем помочь не могу! (Равнодушно). Ищи, если любишь, найдешь!

И в а н Константинович. Я вас умоляю! Пожалуйста, не ради нас с Марией, а ради нашего ребенка! Скажите, куда она уехала?

Т ё т я Лена (командным тоном). Все, капитан, ты свободен, не смею больше задерживать!

И в а н Константинович. Да что вы за человек? За что вы так с нами?

Т ё т я Лена. За то, что ты забыл о своей чести, капитан! Соблазнил девчонку и...

И в а н Константинович. Что и? Я люблю ее и хочу жениться на ней! А вы изо всех сил стараетесь нас разлучить! С вашей стороны вы должны быть заинтересованы в ее замужестве и счастье!

Т ё т я Лена. Я никому ничего не должна и не обязана! (Голос ее перешел на крик). Не учи меня уму разуму, и научись сдерживать себя, Иван, как там тебя?

И в а н. Константинович. Иван Константинович!

Т ё т я Лена. Вот-вот, Константинович, а теперь прошу! (Показывает рукой к выходу).

И в а н Константинович (подходит к двери, резко поворачивается к ней, подняв свой крутой подбородок и вместо слова до свидания).

Я найду ее, как бы вы этого не хотели! Вам же после стыдно будет! (На сундуке у двери, замечает белую шелковую блузку Марии, хватает её, прижав к своей груди, сапогом сильно ударяет в дверь). Вам не разлучить нас! (Уходит).

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

БОЮСЬ РАЗОБЛАЧЕНИЯ

Лица: Мария, Нюра, отец Марии, Матрена, бригадир, женщина первая, женщина другая.

В доме Матрёны. Обстановка та же, что и во второй картине. Затем в животноводческой ферме, обстановка большое ограждение в нем сено. После на выпасных лугах, в палатках.

В доме Матрены.

Через пару дней, Мария вернулась в свою деревню к родителям. Настроение у нее было подавленным. Разлуку с любимым, она переносит очень болезненно. Из ее головы ни на минуту не выходил образ Ивана. Она, как бы перечитывала страницы любимой книги и думала о том, что с ней произошло, и что теперь ей делать, один на один со своим горем.

Иван Иванович – отец не мог не заметить, как Мария каждый день часто смахивает с глаз вдруг появившиеся слезы. Еще больше, он был обеспокоен её болезненным видом.

И в а н Иванович (за столом на кухне, на его коленях сидит Мария, смотрит во влажные глаза, с тревогой). Мань, признайся мне честно, тебя мать обидела? Так ты не бойся, скажи, я сумею защитить тебя!

М а р и я (уткнулась в мощную грудь отца и так разрыдалась, что никакие уговоры ей не помогли, наконец, слезы же ее и успокоили). Нет, нет, тятя, не обидела!

И в а н Иванович. Мария, ты только скажи, кто тебя обидел, ты же знаешь, я тебя сумею защитить!

После, Мария уже пожалела, что не рассказала ему, как тетка обошлась с ней и отцом ее ребенка. Может, все было бы по-другому, отец сам бы поехал к тетке и все устроил. Но страх перед своей матерью, остановил её поделиться девичьим горем.

М а р и я. Да нет, тять, все хорошо, только скучно без работы сидеть дома, может, я пойду работать дояркой?

И в а н Иванович (зорким взглядом обвел дочь, про себя). Может, и действительно, для нее так будет лучше!). А, что, дочка, все равно в нашем совхозе для де-

вушек другой работы нет, если хочешь, иди, поработай! Там много молодежи, будет веселее!

Дом Матрены погружается во тьму. Животноводческая ферма набирает свет.

**В ограждении
куча сена.**

Н ю р а. Мария, ты часом не беременна? Смотрю на тебя и не могу понять!

Этот вопрос, будто громом прогремел над головой Марии, её обдало жаром с ног до головы. Она застучалась, серо-зеленые глаза наполнились слезами, прислонившись к кирпичной стене коровника, медленно сползла на солому.

М а р и я. Нюр, я тебе все расскажу, только ты никому! (Глотая слезы, и как на исповеди все рассказала подруге).

Н ю р к а (с сочувствием). Ничего, Мария, не плачь. Расстраиваться тебе нельзя. (Мгновение помолчав). А родители знают?

М а р и я. Да что ты, Нюра? Если бы они узнали, я бы уже в могиле была! Отец, еще, куда ни шло, добрый, а вот мама! (Закрывает руками лицо и тихо плачет).

Н ю р а (обнимает Марию). Ну, что мне с тобой делать? Ты вот что утягивайся, чтобы никто не заметил твоего живота, а я никому не скажу.

Животноводческая ферма погружается во тьму. Дом Матрены набирает свет.

В доме Матрены.

Иван Иванович сидит за столом, делает самокрутки с махоркой.

Появляется Матрена.

М а т р е н а. Отец, не кажется ли тебе, что наша дочь изводит себя работой? Работает наравне с взрослыми женщинами! Я подумала, надо будет ей зиму переждать, пока пройдут морозы, а весной может, пойти еще поработать, если захочет! (Смотрит во влажные глаза мужа). Что это глаза твои на мокром месте, отец?

И в а н Иванович. Ничего, мать. (Часто моргает, торопится встать). Пойду, посмотрю на хозяйство! (Идет к выходу).

М а т р е н а (проводит его взглядом, закрытой двери). Такой великан, а сердце мягкое, доброе! «За тобой, я как за каменной стеной, и сам не обидишь и в обиду не дашь».

И в а н Иванович. Ну, Мотя, наша Мария вся в тебя труженица, будет работать, пока не упадет! Мы не видим ее ни днем, ни ночью!

М а т р е н а. А вот сегодня, отец, мы ее дождемся! Через час должна прийти. А мы с тобой, пока чайку с молочком попьем! (Накрывает стол пирогами и сладостями). Ну, давай, отец, присаживайся, пока то, да сё и дочка придет!

Ждать пришлось меньше, чем они ожидали, за дверью послышался шорох.

М а т р е н а (радостно). Ну, что я говорила, отец? Вот и работница наша пришла!

Появляется Мария.

М а р и я (при виде родителей, втягивает в себя живот на столько, что тяжело дышать, с изумлением). Почему вы не спите? Время уже позднее!

М а т р е н а (спокойно). Дочь, мы хотим поговорить с тобой!

М а р и я (от страха замерла, про себя). Всё, мне, конец! (Мгновенно в глазах появились слезы). Мама, тятя, простите меня, я не хотела! (Бросается к ногам матери, рыдает).

И в а н Иванович (вскакивает со стула, приподнимает Марию). Да что ты, дочка? Родная моя, да мы все знаем с мамой, не волнуйся!

М а р и я (через рыдания). Что вы знаете?

И в а н Иванович. Ну, как, что? Не по силам тебе работа, тяжело взрослым дояркам, а ты совсем ребенок и работаешь наравне с ними! Все хватит! Больше ты не пойдешь в коровник! (Повышает голос). Люди нас обсмеют, живем, считай лучше других, а дочь работает день и ночь! Нет и нет, никаких работ!

От переполненных страхом чувств, Мария не может держаться на ногах, почти повисает на руке отца.

(Усаживает ее за стол). Вот так, дочка, посиди!

М а р и я (про себя). Слава Богу, пронесло!

М а т р е н а. Успокойся, дочь, да будь проклята эта работа, до чего доработалась, на ногах еле держишься, а исхудала то как!

М а р и я (прерывисто). Да нет, мам, все в порядке!

М а т р е н а (заботливым голосом). В порядке, оно и видно, какой порядок, с ног валишься! Будешь пирожки с черемухой?

М а р и я. Нет, мама, не буду, я молока напилась! Хочу спать, завтра рано вставать.

Иван Иванович (строго). Нет, дочка, завтра на работу ты не идешь! Хватит нам с матерью переживать за тебя!

М а р и я. Не могу я не пойти, тять, моих коров доить некому! И вообще, мне нисколько нетрудно, а на-

оборот!

И в а н Иванович. Ну, что ты будешь с ней делать, мать? Никто так не рвется на работу, как она! Доченька, ты зиму посиди дома, а весной поедешь на выпасы!

М а р и я. Тогда, мне будет еще труднее! Вы же знаете, животные привыкают к своей хозяйке, и я к ним тоже привыкла, они для меня стали как подружки! Узнают меня не только по голосу, но даже в лицо! (Делает подобие улыбки). Я пойду спать! (Втягивает в себя живот, целует отца с матерью в щеки). Уходит.

М а т р е н а (возмущенно). Ну, что ты с ней сделаешь? Вот характер!

И в а н Иванович (нежно улыбается жене, обнимает). Хм, вся в тебя! Ну, что пойдем, милая, и мы почи-вать! (Уходят).

Дом Матрены погружается во тьму. Животновод-ческая ферма набирает свет.

В коровнике.

Нюра и Мария подбирают раскиданное сено.

Н ю р а (оберегает Марию). Ты побереги себя, не ровен час, надорвешься, и начнутся роды у всех на виду!

М а р и я. Не дай Бог, Нюра, мне тогда придется живьем ложиться в могилу! (Вздыхает). Ладно, давай пошепчемся! (Зарываются в куче соломы).

Н ю р а (ложит руку на живот Марии и тут же вскакивает).

М а р и я (удивленно). Ты чего Нюра?

Н ю р а (расширив глаза). У тебя ребенок шевелится! Никогда не слышала шевеление ребенка у человека! А вот у своей коровы слышала! И ты знаешь, очень, похоже! А сама ты слышишь, как бьется ребенок?

М а р и я. Первый раз услышала в декабре месяце.

Н ю р а (деловито). Мария, это выходит, ты должна скоро родить! Если считать, шевеление началось в декабре, значит, в мае ты должна кого-то родить! И что мы имеем? На все про все, два месяца осталось до родов!

М а р и я (задумчиво). Ну, наверное, я не знаю. Скорее бы в поле, там никто, ни о чем не догадается!

Н ю р а. Мария, куда ты ребенка денешь?

М а р и я. Не знаю пока, но к маме с отцом точно не пойду! Все было бы хорошо, если бы не эта тетка! Она мне всю жизнь поломала, чтобы ей так же было как мне! (Сглатывает, тяжело вздыхает). А может, мне поехать в Славгород? Город не большой, вдруг встречу там Ваню и тогда, закончатся мои страдания! (Грустно улыбается). Все было бы так, но Ваня говорил тетке, что его переводят в другой город. Так, что, подруга, все против меня!

Н ю р а. Ничего, Бог не выдаст, свинья не съест! Сейчас главное, ты береги себя и все будет хо-ро-шо!

Ферма погружается во тьму. Поле набирает свет.

Весна, гурты коров угоняют на вольные луга, вместе с ними выехали бригады доярок, разбили лагерь, поставили палатки.

Мария, после дойки уходила в забоку или в глубь лу-

гов, собирала ягоду, рвала слизун и черемшу, угощала всех доярок. Женщины очень любили ее за ловкость и трудолюбие.

Б р и г а д и р (в палатке лежит на кровати, смотрит на улицу, где Мария перебирает ягоду, охрипшим голосом). Хороша девчонка! красавица и чистоплотна во всем, даже с коровами как с детьми, охото ей с ними возиться, хвосты им помоеет, начешет, и бантики завяжет, кому-то повезет, кто женится на ней! (Пристально вглядывается в лицо Марии). Надо же уродиться такой красавицей? Совершенно правильные черты овального лица, белая бархатистая кожа, густые светло-русые волосы, черные брови в разлет, будто взмах крыльев птицы! А глаза, я за свою жизнь не видела таких глаз! Жалко, что у меня нет сына, а то взяла бы ее в невестки!

Д е в у ш к а п е р в а я. Да, ты права, бригадир, – ей бы на подиуме красоту показывать, а не коров доить! Высокая, ноги от ушей растут, фигурка выточена, ну прямо загляденье!

Д е в у ш к а д р у г а я. Что, правда, то, правда, ни к чему не прикопаешься!

Б р и г а д и р (берет небольшое зеркало). А тут ни кожи, ни рожи! (Смотрит на свое отражение и комментирует). Нос на десятерых рос, глаза как у вороны, губы как у лошади, даже смотреть не хочется! (Бросает зеркало на стол, отворачивается лицом к стене).

Занавес.

КАРТИНА ПЯТАЯ ОТ СЕБЯ НЕ УБЕЖИШЬ

Лица: Мария, Нюра, бригадир, женщина, Шурка-мосол.

Действие происходит в палатке, обстановка кровати и стол. Затем около палатки. Обстановка вокруг трава. Затем на лугу. Обстановка трава, кустарники и дерево. После у костра, обстановка на костре варится пища. Потом в забое. Обстановка валежник, заросли кустарника.

Конец мая месяца. Утро.

М а р и я (как всегда, раньше всех, закончила дойку, идет в палатку, почувствовала тянущие боли в низу живота, присаживается на корточки, боли прекратились, через полчаса повторились и снова исчезли, про себя). Ну, что же это такое? (Не раздеваясь, прилегла на кровать, засыпает, но сон был недолгим, острая боль вынуждает громко вскрикнуть). Господи! (Хватается за живот). Почему так больно? Неужели так рожают?

Палатка погружается во тьму, улица набирает свет.

Мария выбегает из палатки, смотрит по сторонам.

М а р и я. Слава Богу, никого нет, надо бежать куда-нибудь подальше отсюда!

Спускается в низину крутого луга, где её никто уже не увидит и не услышит. Схватки то появлялись, то пропадали, но ненадолго, с каждым разом, они были чаще, острее и продолжительнее. Вскоре боль стала нестерпимой. Кричит громко и мучительно. Крик подхватило утреннее эхо и разнесло по всей округе, а перепуганные птицы покинули свои гнезда.

(Про себя). Хорошо, что я одна, никто ничего не узнает. Теперь, где бы укрыться? (Обводит взглядом вблизи растущие кустарники, среди них видит не высокое ветвистое дерево калины, через боль и слезы доходит до него, рвет траву, стелет и ложится под ним, накрываясь платком).

Дерево погружается во тьму. У костра набирается свет.

Большой костер.

Женщины, переодевшись в свои платья, встали у костра, где доваривалась затируха. Это блюдо готовили на одном молоке, оно очень вкусно, и любили его и взрослые и дети.

Б р и г а д и р. Девчата, накладывайте себе сами, ешьте пока горячая!

Девушки не заставили себя долго уговаривать, быстро опорожнили котел и разошлись по палаткам.

А, где Мария? Затируха ее любимое блюдо, пусть поторопится, не то голодной останется!

К т о – т о из женщин. Не знаю! В палатке ее нет, она закончила дойку, еще темно было, наверное, опять в забок за слизуном ушла.

Б р и г а д и р. И не сидится же ей! Спала бы себе до обеда, ох, и непоседа! (Качает головой).

Ш у р к а – м о с о л. А кто-нибудь слышал сегодня утреннее эхо? «Похоже, кричала женщина».

Костер погружается во тьму. Палатка набирает

свет.

Палатка.

Нюра забегает в палатку.

**Н ю р а (останавливается у кровати Марии). Ага, за-
правлен, а платка цветного на месте нет. Где же ты, го-
ре луковое? (С минуту размышляет). Что делать, с че-
го начать? (Но уже точно знала, в утреннем эхо был
крик Марии). Она рождает одна и неизвестно где! (За-
бирает с собой два плотных покрывала, идет к выхо-
ду).**

**Палатка погружается во тьму. Луга, дерево набира-
ют свет.**

Луг, раздолье.

**Нюра скатывается вниз по косогору. Очень тихо,
вышло солнышко, стало приятно тепло, трава начала
подсыхать от утренней росы, смотрит на чистое голу-
бое небо.**

**Н ю р а. День должен быть замечательным, а это
значит у нас с тобой, Мария, все будет хорошо! Толь-**

ко, где же ты спряталась, подруга моя золотая?

(Смотрит по сторонам, кругом ни души, она снова поднялась наверх, остановилась на пригорке, оттуда лучше просматривалась вся округа). Так, куда бы я пошла на твоём месте, чтобы остаться незамеченной? (Спросила она себя, и сама дала ответ).

Конечно, я пошла бы в укромное место и где сухо, а сухо может, быть только под деревом. (Пристально осматривает низину, еле сдерживая слезы, ею овладел страх за Марию). Что если на нее напали бандиты! Сколько их здесь бродит?

Уже открыла, было, рот, чтобы позвать подругу, но совершенно случайно, будто кто-то повернул ее голову в другую сторону, за непроходимыми кустарниками и валежником в километрах двух-трех поднимался вверх дым.

(Про себя). Значит, это чей-то дом и в нем живут. Раньше ходили слухи, что где-то недалеко от их лагеря стоит пасека, может, это и есть она? А вот и дерево!

Подобно мячу подскочила к дереву, под ним на цветном платке, свернувшись калачиком, и поджав

колени к животу, лежала Мария.

(Наклоняется над ней). Зачем ты ушла из лагеря? Все равно, рано или поздно все узнают, что у тебя родился ребенок!

Мария смотрит на подругу затуманенными глазами. Измученное и искривленное лицо от боли закрыли разбросанные светло-русые волосы, у нее не было сил даже стонать.

(Убирает с ее лица прилипшие волосы). Хорошая моя, потерпи, все будет, так как ты хочешь! Мы с тобой сейчас уйдем далеко, далеко, и нас никто никогда не найдет! Пусть будет по-твоему. Пойдем отсюда, Мария, здесь недалеко чей-то дом, раньше говорили, вроде это пасека! Только ты помоги мне, приподнимись чуть, я положу тебя на покрывало и дотяну до того дома!

М а р и я (сквозь слезы). Ничего не надо, Нюра, я никуда отсюда не пойду, ты даже не представляешь, как мне больно!

Н ю р а. Ничего, подруга, терпи, Бог терпел и нам велел! Не зря так говорят, и какая же ты будешь мать,

если не испытаешь боли?

М а р и я (с усилием приподнялась и, не разгибаясь, заползает на покрывало). **Нюра**, ну как ты меня потащишь? **Давай останемся здесь!**

Луга и **дерево** погружаются во тьму. **Забока** набирает свет.

Забока.

Нюра по валежнику тащит на покрывалах **Марию**, торопится к дому, где видела столб серого дыма.

Н ю р а (про себя). **Какая я молодец**, что взяла с собой два покрывала. Так идти быстрее и тащить легче!

Путь оказался невыносимо трудным и долгим. **Расстояние** до того дома, было не два-три км, как предполагала **Нюра**, а в два раза длиннее. **Пробираются** через чащу и заросли, кажется, этому не будет конца.

У Марии возобновлялись схватки, она кусала свои губы, чтобы не кричать, а, когда прекращались, шла сама, но недолго, снова боль и крик.

Потерпи, милая, скоро уже придем! Сейчас, еще од-

ну передышку сделаем и пойдем дальше!

От палящего солнца и нагрузки у Нюрки пересохло во рту, ее платье насквозь пропиталось потом. Она останавливается и ложится подле Марии, раскрыв широко рот, облизывает тонкие пересохшие губы.

(Тяжело дышит). Сейчас бы водички, хотя бы один глоток!

М а р и я (виновато смотрит на подругу, глотает слезы). Прости меня, Нюра!

Н ю р а. Ну, что ты, глупенькая? Все хорошо! Зато, у нас появится еще один человечек!

М а р и я (закрывает глаза, ресницы затрепетали). Куда я пойду с этим человечком?

Н ю р а. Куда, куда? Домой к родителям! Никуда они не денутся, еще, как будут любить дитя! (Приказным тоном). А сейчас помолчи, быстрее дойдем! (Морщится от боли). Все ноги порезала, надо было сандали надеть, а я переволновалась и забыла обуться!

М а р и я. Нюра, прости, как же я не заметила твои

босые ноги? Возьми мои туфли, у нас с тобой один размер! (Сейчас же разулась и заставила подругу обуться).

Н ю р а. Да, Мария, туфли как раз. Теперь мы быстрее дойдем. (Смотрит на небо). Хорошо, что сегодня погода хорошая, вот если бы водичка была, совсем было бы здорово!

Занавес.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

СПАСЕНИЕ НА ПАСЕКЕ

Лиц: Мария, Нюра, Василий, Семен.

В доме пасечника. Дом состоит из одной комнаты. Обстановка обычная. Деревянный стол, скамья, топчан, печь-группка. Во дворе большой сад, в нём несколько ульев. За домом бочка с водой. Телега. Рядом сарай для лошадей, стог соломы.

Забока. Полдень.

Мария лежит на покрывалах, Нюра сидит рядом.

Послышался звонкий лай собак, а за ним мужской голос.

Н ю р а (тихо). Кто это может быть? (Испуганно смотрит на Марию).

М а р и я (морщится от боли). Не знаю.

Н ю р а (приложила ладонь ко рту Марии). Смотри не кричи. Иначе нас убьют!

Г о л о с м у ж ч и н ы. Идите рядом, рядом я сказал!

Появляется Василий с собаками.

Нюра приподнимается, еле сдерживает крик. Прямо на них идет не высокий, коренастый мужчина в поношенной выцветшей от солнца одежде. На его голове широкополая шляпа, на ней прикреплена серая в мелкую ячейку тонкая сетка с длинными концами, завязанными вокруг шеи. Увидев Нюрку и рядом девушку, лежавшую на покрывале, взмахом руки дает знак собакам сидеть.

Они садятся рядом и спокойно смотрят на пришедших девушек.

Н ю р к а (смогла рассмотреть через сетку лицо мужчины, оно показалось ей припухлым, небритым и синеватым, про себя). Бандит, а не пасечник! Что теперь с нами будет? Я-то смогу убежать, а Мария как? (Но, пересилив страх). Дядь, до пасеки далеко?

В а с и л и й (криво улыбается, не громко). Да, раньше была она!

Н ю р а. Точно бандит! Как-то подозрительно улыбается! Её мысли прервал его бархатистый, приятный

ГОЛОС.

В а с и л и й. Откуда вы девоньки и что с этой? (Мотнул головой на Марию). Почему ты тащишь ее?

Н ю р а (голос мужчины показался добрым). Это подруга моя Мария, она рождает! (Виновато). Сама не может, идти, а я вот помогаю ей! Мы случайно увидели ваш дом, вот и свернули к вам!

Мария поджала под себя колени, держа руки в низу живота, кусает губы, и слезы катятся от боли по ее измученному лицу.

В а с и л и й (глядя с сочувствием на безжизненно бледное лицо Марии). Понятно! (Снимает с головы защитную сетку, подаёт Нюрке). Отнеси в дом! (Подходит к Марии). Давай, дочка, я помогу тебе! (Осторожно приподнимает ее с покрывала, прижимает к себе, как свою дочь и несёт к дому, повернувшись к собакам). Ну, что вы приуныли? Все будет хорошо, идите на место! (Собаки послушно встали и пошли следом за ним).

Н ю р к а (озираясь по сторонам, на всякий случай запоминает место). Мало ли что может, случиться!

**(Увидев в саду ульи, страх окончательно покинул ее).
Значит, правда, пасечник! Ого, сколько ульев! А пчелы летают, того и смотри, ужалят!**

В а с и л и й. А ты девонька руками не маши, не то пчелы искусают!

Забока погружается во тьму, дом на пасеке набирает свет.

В доме.

В а с и л и й (заносит Марию в дом, ложит на стоявший в углу топчан). Здесь, дочка, тебе никто не помешает и не обидит, не волнуйся. (Смотрит на Нюру). Небось, проголодались? Я вам медку принесу! (Уходит).

Минуты через три возвращается, в руках у него металлическая чашка с медом. Ставит на стол. Нарезает большими кусками хлеб. Черпает из бочки кружкой холодную воду, ставит рядом к чашке с медом. Ешьте сколько хотите. (Уходит).

Н ю р к а (проголодалась, но сразу набросилась на воду, и в одно мгновение опустошила кружку, а за-

тем принялась за мед). Такое может, быть раз в жизни, чтобы есть его ложками! Мария, ты будешь? Тебе надо поесть, не то сил не будет рожать!

Марии есть не хочется, но она подносит к ней чашку, насильно кормит.

М р и я (отворачивает голову). Не хочу я, Нюр, дай лучше водички, во рту все пересохло!

Нюрка ставит на место чашку, черпает воду, несёт и подаёт ей кружку.

(Глотнула, охрипшим голосом). Хороша водичка, родниковая, мягкая, не то, что у нас дома!

Н ю р а. Твоя, правда, подруга, с такой водичкой и болезнь не страшна! Кстати, тебе не стало легче?

М р и я (улыбнулась, показывая ряд белых зубов). Отпустило чуть.

Н ю р а. Ну, слава Богу, а то смотрю на тебя, как ты мучаешься и мне от этого больно! (Собирает с подушки пряди волос, закалывает на её голове, любит её, со светлой завистью). Как же ты красива, Мария!

М а р и я (прикрыла пушистые ресницы). Что из того? Было бы у меня столько счастья!

Н ю р а. Ничего, дорогая, у каждого человека есть счастье, и оно к тебе обязательно придет!

Появляется Василий.

В а с и л и й. Ну, красавицы, поели?

Н ю р а. Да, дядь, спасибо, мед очень вкусный! Наелась вот так! (Показывает рукой выше своей головы). А как гляну на него, еще бы ела, да некуда! (Широко улыбается, растягивая тонкие губы).

В а с и л и й. А – я. (Делает краткую паузу). На мед и глядеть не хочу, каждый день одна еда!

Н ю р а. Ой! Вот мне бы так, кроме меда, я ничего бы не ела!

В а с и л и й (улыбается доброй улыбкой). Ну, что, девушки, теперь может, расскажете, откуда вы, чьи и где проживаете?

Н ю р а. Мы, дядь, доярки, гурт наш недалеко от вас! А живем в Камышенском совхозе!

В а с и л и й. Камышенка? (Удивленно приподнял свои брови). Знаю-знаю! Как же? Там живет одна женщина. Любил я ее, да и теперь люблю, не могу забыть! Большая любовь у меня к ней, первая и последняя! (Грустно качает головой). Сколько уже лет прошло, а я все еще люблю ее! Потому до сих пор один!

Пауза.

После паузы.

(Обидчиво). Конечно, Иван богатырь! А – я, против него так себе, да понимаю я все, что не пара ей, но сердце ему не прикажешь! Интересно, какая она сейчас?

Н ю р а. Дядь, а кто она?

В а с и л и й (с нежностью). Матрена!

От неожиданности у Марии расширились глаза, как говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. Могла ли она, когда-нибудь предположить, что встре-

тит человека, который любит ее мать и останется, верен ей до конца дней своих!

(Молчит, удрученно вздыхает, опустив голову, смотрит в пол, затем резко). Что это я перед вами, как на исповеди? Впал в ностальгию! Давно душу свою не изливал! Один я здесь, кому говорить? С пчелами и разговариваю, чего я им только не говорил и не рассказывал, а они, твари, вроде как понимают и не жалят меня! (Ухмыляется). Спасибо вам, дочки, напомнили о моей любимой, хотя, я никогда о ней не забывал!

Н ю р а. Дядь, а Мария, дочка Матрены

В а с и л и й (вдруг резко поднимается со скамьи, но не может сделать и шага, как вкопанный стоит и часто моргает влажными глазами, будто в них попал песок). Матерь Божья! Это же надо такому случиться? (Хрипло). Дочь Матрены! Кто бы сказал, что у меня в гостях будет дочка моей любимой, никогда бы не поверил! (Трогает свою небритую бороду, трет ее пальцами и грустно). А ведь она могла бы быть и моей дочерью! Надо же так, а ну, надо? (Идет к двери, затем медленно поворачивается к девушкам). Меня зовут Василием! (Уходит).

Дом на пасеке погружается во тьму. Двор набирает свет.

Василий сидит на крыльце.

Воспоминания о Матрене заставили его глубоко задуматься. Отвлекает его неожиданный треск пересохшего валежника, собаки бросаются на шум. Он идет следом за ними.

Появляется повозка на телеге сидит Семён – друг Василия.

На его голове надета кожаная, черная фуражка козырьком назад, поэтому выглядел он добродушным.

В а с и л и й (оживленно). Семён, каким ветром тебя занесло?

Мужчины обнимаются, хлопают друг друга по спине.

Заходят в дом.

Двор погружается во тьму. Дом на пасеке набирает свет.

В доме появляются Василий и Семён.

Нюра сидит на топчане, рядом лежит Мария.

С е м ё н (удивленно смотрит на девушек). У тебя что, гости, Василий?

В а с и л и й. Да гости! (Усмехается). А ты зачем ко мне пожаловал? В гости тебя не дозовешься, неужели вспомнил о друге?

С е м ё н. Я к тебе приехал за медком, дашь?

В и с и л и й. Медку? Это можно! Сколько надо дам, его сегодня много!

С е м е н. Василий, ты мне водицы дай лошадку напоить, бедная с утра не пивши!

В а с и л и й. Бери ведро, Семен, там за домом кадушка стоит с водой, сам и набери!

С е м ё н. Добро, Василий, конечно, я сам, спасибо! (Уходит).

Н ю р а. Дядь Вась, может, ваш знакомый увезет нас

в Камышенку, там есть повитуха, она всем помогает!

В а с и л и й. Хорошо, Нюра, я сейчас же поговорю с ним!

(Уходит).

Повитухой была Бородиниха, мать одной из подруг Марии, ей было за шестьдесят лет, вредная, грубая и строгая женщина. Находиться с ней в одном обществе, было неуютно и неприятно.

Мария с детства боялась ее и не любила, к тому же, она была ещё матерью «горбуна», его прозвали горбуном из-за большого горба на всю спину и грудь, он всюду совал свой нос и доносил начальству, в деревне его все боялись и ненавидели.

М а р и я. Нюрочка, милая, не хочу ехать к Бородинихе! Там тятя с мамой узнают, убьют меня, или выгонят из дома! Не поеду, лучше умру здесь, но не поеду!

И снова схватки и снова невыносимая боль, и душе-раздирающие крики.

Дом на пасеке погружается во тьму, двор набирает свет.

Двор.

Семен и Василий стоят у телеги.

С е м е н (слышит страдание молодой роженицы, смотрит на друга). **Василий**, нельзя везти роженицу, это очень опасно! Я сам привезу повитуху сюда, отсюда недалеко, а там спрошу, где она проживает!

В а с и л и й. Ах, Семен, сам Бог тебя направил сегодня сюда, только не задерживайся, измучилась девчонка!

С е м ё н. Я быстро! (Запрыгнув в телегу, мотнул хлыстом).

Лошадь тронулась с места и через пару минут скрылась за зарослями.

Двор погружается во тьму. Дом на пасеке набирает свет.

Появляется Василий.

В а с и л и й (разжигает печь, наливает воду в большой котел, ставит на плиту). Горячая вода нужна будет повитухе! (Сказал он не то себе, не то девушкам).

Нюра сидит рядом с Марией, поглаживает ее живот.

Мария. Как хорошо ты гладишь, Нюр, так, кажется легче!

Нюра. Я согласна гладить тебя, подруга, сколько угодно, лишь бы ты не кричала!

Мария (губы её затряслись, из глаз скатились слезинки). Чтобы я делала без тебя, Нюр?

Нюра. Да ладно, подруга, ты лучше расскажи, где сейчас отец твоего ребенка, какой он?

Мария. Нюрочка, если бы ты видела его, он такой! (Глаза ее остановились в одной точке, будто она видит его и рассказывает). Он высокий, стройный, брюнет, лицо смуглое, нежное. Глаза темно-серые с поволокой, ресницы густые и пушистые, брови черные, строго очерченные губы. (С восхищением). Военная форма ему очень идет, а еще ремень через плечо, ну глаз не оторвать!

Нюра. Он, что офицер?

М а р и я. Да офицер, в чине капитана! Мы хотели пожениться с ним, когда он узнал, что я беременна, приходил к моей тетке, просил моей руки! Но она выставила его за двери! А меня на следующий день отправила к маме, даже попрощаться не дала и, адресами с ним мы не обменялись! Я знаю, он приходил к ней, просил мой адрес, но она, чтобы ей пусто было!

Пауза.

После паузы.

Вот так, мы потеряли друг друга. Ой, е, ей! Опять началось, Нюр, посильнее гладь!

Н ю р а. Потерпи подруга, потерпи, скоро мучения твои закончатся!

М а р и я (продолжает через боль). Все равно, я найду его, приеду к нему с дочкой или сыном, вот уж будет рад мой Ванечка!

Н ю р а. Представляю, Мария, вашу встречу и рада за вас, только ты не сдавайся, ищи его, и обязательно встретишься с ним!

Занавес.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ ПОВИТУХА

Лица: Мария, Нюра, Василий, Семен, повитуха.

В доме на пасеке. Затем во дворе. Обстановка та же, что и в шестой картине.

В доме.

Мария лежит на топчане, рядом с ней сидит Нюра, поглаживает её живот. Внезапно послышался лай собак и голос Семёна.

Г о л о с. Тр-р-р. Вот и приехали!

Н ю р а (вскакивает с топчана). Мария, Бородиниху привезли!

М а р и я (возбужденно). Умоляю, Нюрочка, не уходи, я боюсь, сейчас будет, матюгать, ты же знаешь, ка-

кая она матерщинница?

Н ю р а (крепко сжала её руку). Не уйду, Мария, не бойся!

Еще со двора, Бородиниха прогремела басистым, звучным голосом.

Г о л о с. Ну, где тут роженица?

Появляется Бородиниха, следом Василий и Семён.

На голове Бородинихи белый в крапинку платок, завязанный узлом под тонкой морщинистой бородой, серая кофта обтягивала ее упитанную фигуру, а из-под напольной широкой юбки не было видно, во что она обута.

Б о р о д и н и х а (подходит к Марии, изумленно смотрит на неё, широко раскрывает узкие уже отцветшие бесцветные глаза, с нескрываемым удивлением). Мария, ты что ли?

М а р и я (стыдливо закрывает ладонями лицо). Я, бабушка!

Б о р о д н и х а. Не плачь, милая, с кем не бывает? Не бойся меня, все будет хорошо! (Оглядывается на мужчин). А вы, мужики, идите на улицу, нечего вам тут глазеть!

Мужчины виновато переглядываются. (Уходят).

(Удовлетворено). Ну, вот порядок! (Поворачивается к Марии).

Ты не стесняйся меня, я перевидала на своем веку всяких и продольных, и поперечных, так что твоя красавица меня не удивит! Теперь слушай только меня, я буду тебе говорить, а ты исполнять, поняла?

М а р и я (смущенно). Да, бабушка, поняла.

Б о р о д н и х а. Вот и хорошо! «Подними подол повыше и раздвинь шире ноги! (Помогает Марии). Вот так, молодец!» (Заглядывает). Ну, что мы имеем? (Спросила себя, засовывая свои кривые пальцы в промежность Марии, после пробасила). Хорошо, хорошо!

От прикосновения рук отвратительной старухи, Марию передернуло, но в ее положении выбора не было.

Кого ждешь дочь, или сына?

М а р и я (почти беззвучно). Не знаю.

Б о р о д и н и х а. А кого бы ты хотела?

М а р и я. Никого!

Б о р о д и н и х а (изумленно выкрикнула). Как никого?

М а р и я. Я тятю с мамой боюсь, они убьют меня!

Б о р о д и н и х а (сжала свои тонкие губы, поправила платок на своей седой голове и ту же завязала концы). Бояться надо было, когда ноги раздвигала перед отцом ребенка, теперь никуда не денешься, ребенок у тебя будет, и не бойся родителей, не ты первая так рождаешь! А таких родителей, как у тебя, редко встретишь, повезло тебе с ними!

М а р и я (стала ежиться). Бабушка, мне на двор хочется, пустите меня! (Резко приподнимается, ее светло-русые волосы рассыпаются на подушке).

Б о р о д и н и х а. Нет, Мария, вставать нельзя, это потуги, а не то, что ты думаешь! (Убирает пряди её волос с подушки). Лежи спокойно! (Заглядывает под юбку, снова щупает).

Марию передергивает. Повитуха замечает.

Ничего, Мария, потерпи, ты думаешь, я не знаю, как тебе неприятны мои прикосновения? Ну, что поделаешь? Все роженицы проходят через это! Ну, вот твоя красавица подготовилась к родам, ребенок идет правильно головкой к выходу!

М а р и я (через несколько минут, ощутила, что-то горячее, испуганно). Что это?

Б о р о д и н и х а (пояснила). Так и должно быть, не бойся. Это воды отошли!

И вдруг Марию резанула пронизывающая боль, она пыталась сдержать крик, но не смогла. На ее крик забежали собаки, сели у порога и стали жалостно скулить.

(Оглядывается на них). Что и вы такое испытали? Не скулите, все уже хорошо! (Нюре). Нюр, неси воду

и тряпки, мы рожаем!

А Нюрка давно уже стоит за её спиной и ждет указаний.

М а р и я (очень громко). О- о- о – ой! Ой, бабушка, больно!

Б о р о д и н и х а. А ты кричи, дочка, кричи! Это отвлечет боль!

М а р и я (лицо Марии покрыли капельки пота, усилились потуги). У-у, когда же это кончится, Господи?

Б о р о д и н и х а. Тихо, Мария, не тужься, отдохни! (Через мгновение). Теперь давай еще немного!

И так несколько раз пока из Марии не выскользнуло, что-то большое и живот сразу же исчез. От изнурительной боли и напряжения она, наконец, почувствовала облегчение.

(Пробасила). Ну, слава Тебе, Господи! Все прошло отлично! Поздравляю, Мария, у тебя дочка! Молодец, помощницу себе родила! (Держит ребенка на одной руке).

От растерянности Мария не знала, что ей сказать и смотрела на неё, как она держит на руках ее девочку, она напоминала ей живую куклу.

Повитуха, вдруг поддаёт шлепок по её попке, и она пискливо кричит.

М а р и я (впервые услышала крик младенца, сердце у нее сжалось от жалости. Зачем вы ударили её, бабушка?

П о в и т у х а. Шлепок нужен, для того, чтобы ребенок закричал, тогда из него выйдет воздух, и он задышит своими легкими, поняла, мамочка?

М а р и я (робко). Поняла.

Затем повитуха обработала малышку, запеленала и положила под бок Марии.

П о в и т у х а. Корми, худенькая она у тебя! Вставать не торопись, отлежись вначале! А – я поеду домой, пора мне! Тебе я больше ненужна!

М а р и я (берет её руку, умоляюще смотрит ей в глаза). Спасибо, бабушка, и, пожалуйста, не говори-

те в деревне, что я.

П о в и т у х а. Мария, не переживай, я все понимаю, за меня не бойся, я никому не скажу! Поправляйся, а мне надо домой! (Уходит).

Дом Василия погружается во тьму, двор набирает свет.

Во дворе.

Лошадь запряженная в телегу жует сено, Василий и Семён ждут повитуху.

Она медленно подходит к ним, они помогают ей занять удобное место в телеге.

За труды повитухи, Василий подает трехлитровую банку меда.

П о в и т у х а (довольна щедростью пасечника). Василий, если надумаешь ещё рожать, зови, всегда помогу!

В а с и л и й (тоже шуткой). Непременно позову!

Семен и Василий прощаются.

В а с и л и й (Семёну). Ну и, когда теперь ты снова надумаешь навестить друга?

С е м ё н (улыбается). Как съем твой мед, так и приеду! (Смеётся, запрыгивает в телегу, лошадь сразу тронулась с места и совсем скоро повозка скрылась за кустарниками).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.